

Татьяна Никонова

Бессердечный

Татьяна Олеговна Никонова

Бессердечный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30482424

SelfPub; 2018

Аннотация

Ещё два года назад он точно знал чего хочет от жизни и кто он такой. А сейчас Вильям ничего не помнит... Он четко пытается вернуть память, чтобы понять куда идти дальше и каким человеком он был, но ему ничто не помогает. Не помогает до встречи с Кирой.

Содержание

Часть I. А мы не ангелы.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	15
Часть II	34
Глава 1.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Автор благодарит холодное зимнее утро 15 года, в которое пришла идея повести. И своего старого хорошего друга, который выслушивал нескончаемое количество вариантов в самом начале работы и озадаченно кивал. Поверьте, эти замечания мне всегда помогали, и в этот раз помогли.

Посвящается мечтателям и сильным духом.

Часть I. А мы не ангелы.

Глава 1.

Каждому человеку, которому ты доверяешь, ты даришь нож. Им он может тебя уничтожить или защитить.

Автор неизвестен.

1

Город Заречный мал, дождлив, но всё же уютен. В городе сразу чувствуется тёплая атмосфера, и когда вы там окажетесь – вы почувствуете себя как в гостях у хорошего друга. К концу октября, ближе к полудню выдался на редкость тёплый безветренный день. Большой дом на окраине, с разноцветными кирпичиками и цветными витражными стёклами сегодня стал на редкость ярким. Местная ребятня любила приходить к этому дому и смотреть на окна, посмотришь в одно – и вся комната станет зелёной, в другое – красной. За кованой, весьма дорогой оградой в виде львов в солнечном круге, сидел задумчивый мальчик двенадцати лет. За оградой раздались голоса, и спустя несколько секунд к мальчику подбежал высокий рыжий парень, и похлопал его по плечу.

– Привет, Вильям! – на рыжего паренька посмотрели жёлтые кошачьи глаза.

– Привет, Кирилл! – тощий, похожий на Кошея мальчик встал и пошёл к ограде, где их ждали остальные друзья. Один – альбинос, тоже худощавый, с голубыми полупрозрачными глазами – его звали Дмитрий или же Белый, другой сродни Вильяму – невысокий темноволосый с карими глазами, но более плотный. Их часто принимали за братьев, хотя в глазах Симона не было озорства, скорее они напоминали потухшие огни, будто он был в раздумьях. Ребята поздоровались, перекинулись парочкой дружеских рукопожатий: всё так сдержано, но, наверное, так было у них принято. Это была долгожданная встреча. Как принято у мальчишек: все четверо отправились искать приключения на пятую точку. Что же это был за день? День рождения Вильяма, сегодня он стал старше всех на один год, но все усердно делали вид, будто не помнят этого, он не обижался, ведь знал, что так задумано и что друзья приготовили ему сюрприз.

Не спеша ребята прошли мимо дома именинника, стараясь как можно сильнее делать себя незаметными для лишних глаз, и как только оказались на окраине города пустились в сторону леса.

– Кто последний, тот дурачино! – прокричал Кирилл, который бежал впереди всех.

Его сразу же поддержали, и началась борьба, только борьба дружеская. Немного погодя и объявился лидер – Вильям, он изо всех сил стремился не оплошать в этот день, бежал, как пуля, выпущенная из пистолета. Оставив позади себя

Кирилла и Симона, которые опередили Дмитрия, он вырвался вперёд.

2

Освещённый лучами солнца, высохший и мрачный лес сегодня преобразился. Листва под ногами и голые деревья не пугали, и в их *особое место* было приятно прийти. Вильям прорвался вперёд и оказался возле дерева, в которое много лет назад попала молния и согнула его пополам; он стоял на жёлтой полянке, окружённой голыми деревьями. Дерево служило четырём мальчишкам убежищем уже пять лет и никогда не надоедало. Когда Вильям отдышался и глубоко вздохнул, тогда со всех сил прокричал: «Я первый!». Прошло немного времени, когда вторым прибежал Кирилл, а за ним Симон и Дмитрий, который плёлся позади. Радостный крик Кирилла прозвучал для Вильяма очень отдалённо, хотя кричал он очень близко, в досягаемости глаз, наверное, это потому что Вильям устал: в ушах звенело, лицо горело, сделалось красным. Потихоньку гудение и жар спадали, а пока он не очень отчётливо слышал голоса.

– Я второй! – крикнул Кирилл.

– Третий! – согнувшись пополам, сказал Симон, Дмитрий промолчал.

– Все в сборе. Ребята завяжите ему глаза, – тихо обратился ко всем Кирилл и показал рукой на Вильяма.

– Белый, принеси повязку, – шёпотом сказал Симон.

Трое мальчишек стояли вдалеке от дерева и наблюдали за Вильямом, как бы показывая всем своим видом, что не желают пока присоединяться к нему. Симон и Дмитрий обошли дерево и тихо, как хищники подкрадывались к имениннику. *Вспомнили. Они думают, я их не заметил, всё я заметил!* – подумал Вильям. « Держи его! Держи! Уйдёт!» – послышался звонкий голос Дмитрия, он ухватился за друга, но тот и не думал просто так сдаваться, он выворачивался и увёртывался. Именинник всё-таки вырвался из его рук и побежал в противоположную сторону, в это время немного задумчивый Симон лишь делал вид, что ничего не замечает, он выгадал момент, и повязка оказалась на глазах друга. Вильям перестал сопротивляться – он ждал, что же его друзья учудили на этот раз, ему стало интересней, чем обычно. Со стороны это смотрелось, как обычная детская игра, да, так и было.

3

Кирилл доставал из зарытого недавно чемодана какую-то вещь: он старался вытащить её оттуда без шума. Разрытая ямка поспешно закапывалась отставленной вчера лопатой, но когда он услышал шаги – начал притаптывать ямку ногой и спрятал лопату в кроне дерева, склонённой над землёй. Кирилл держал в руках свёрток тёмно-синей ткани, он напоминал крестообразный предмет внушительных размеров и начал отходить, пятясь задом. Время тянулось к обеду, солнечный свет начал понемногу угасать и ветер поднялся и

обдувал деревья. Ветерок повеял около мальчиков, подняв за собой листья с земли: красные, жёлто-зелёные, бордовые, рыжие – они ещё не успели засохнуть и сгнить, ведь не начались ещё буйные осенние дожди и ветер принёс им приятный запах жжёной травы и сырой земли.

– Подведите ко мне именинника, – Кирилл открыл травяные глаза и подозвал друзей рукой.

Ребята скорчили самые серьёзные лица, что только могли и сдерживались, чтобы не засмеяться и не испортить момент. Они остановились в двух шагах от Кирилла, Симон развязал повязку и убрал её в карман. Кирилл присел на корточки и бережно, поддерживая свёрток двумя руками, положил его на землю, а когда всё сели рядом с ним, он с таинственностью в глазах развернул свёрток. На тёмно-синем материале красовался смоляной арбалет. Руки Вильяма потянулись к долгожданному подарку: он взял его левой рукой за верхнюю часть, а правой за приклад, однако вещица оказалась тяжелее, чем выглядела и, не рассчитав силы, он немного пошатнулся вперёд, но его поддержали сзади.

– Это чёрный питон!? Ребята, спасибо! Как вы смогли его достать он же космически дорогой? – выпалил он в одно мгновение.

– Да, это он. Тебе нравится? – спросили друзья, – А вот не скажем как.

Вильям расплылся в улыбке и вдруг заметил, что на материале лежит что-то ещё, он нагнулся к предмету, взял его и

побежал, так, чтобы поспевали все, а в руках держал арбалет «Чёрный питон» и за спиной у него висел колчан с деревянными стрелами.

– Быстрее ребята, я знаю, где можно его испытать, – крикнул вслед радостный Вильям.

Он так мечтал об этом подарке, что, наверное, не дождался бы совершеннолетия, ведь сейчас ему всё равно нельзя будет ни кому рассказывать о том, что ему подарили – надо подождать ещё пять лет, когда ему исполнится восемнадцать. Он, конечно же, не знает, что арбалет выбирали его родители, так что скрывать радости от них смысла не было.

4

Свет из окон большого дома отражался на улице и падал разноцветной тенью на асфальт. Свет зажегся в одной комнате, и из окна падала жёлтая тень, в другой и тень становилась зелёной. Кто-то в доме готовился к чему-то, со стороны, казалось, что люди в нём бегают, что-то ищут, спешат; вот-вот и придёт тот, для кого всё это готовиться.

– Саша, который час? Александр, когда вернётся твой сын? – к молодому человеку обратился приятный женский голос, он звучал тихо и отдалённо и в нём, чувствовалась любовь.

Женщина подошла к высокому темноволосому мужчине и посмотрела в карие глаза, он наклонился и поцеловал её. Она – невысокая, смотрела снизу вверх, с тёмными пушистыми

волосами, закрывающими плечи, хотя была худенькая, но с пухленьким лицом, на котором всегда сияла улыбка и блестяли жёлтые глаза, как у Вильяма.

– О нет, совсем скоро! Уже пять! – посмотрев на часы, сказал Александр. Он женой стоял около двери и ждал маленького сына.

Вильям любил арбалеты и луки и уже несколько лет занимался стрельбой вместе с отцом, но собственного инвентаря не имел. Сегодня он, наконец, совершит первую пристрелку собственного арбалета. Облюбованное место оказалось около мёртвого дерева, немного дальше их шалаша. Окружённые голыми деревьями и согретые обеденным солнцем ребята уже рисовали мишень на дереве, которое заметил Вильям, – оно было довольно широкое и старое, ещё год-два и засохнет совсем. Вильям попросил всех отойти от мишени на двадцать шагов и его послушали, потому что знали, что арбалет детям не игрушка, никто, ведь и не думал сегодня стрелять из него, потому что Александр Николаевич это запретил. Именинник попробовал натянуть тетиву: с первого раза не получилось, слишком уж сильные плечи оказались у этого арбалета, попробовал ещё раз – лицо покраснело от проделанного усилия, но он предвкушал момент, когда приготовится и выстрелит.

– Надо приловчиться, привыкнуть к нему! – вытирая пот со лба, заговорил он. Ребята стояли позади и ждали, когда произойдёт первый выстрел, уж очень стало интересно, как

у него получится. Вильям в третий раз наступил на стремя в конце желоба арбалета, наклонился, зацепил крюком тетиву и разогнулся, как аккордеон. *Поясной крюк точно отец покупал – знает меня!* – подумал он. Вильям улыбнулся и поднял арбалет: взял приклад в левую руку и поддержал за стремя снизу правой рукой, он прицелился ещё раз, проверил своё положение и спустил курок с некоторым испугом. Тетива быстро сорвалась, словно лопнул воздушный шар, ребятам показалось, болт пронзил дерево насквозь. Кирилл воскликнул и предложил посмотреть мишень поближе, но Симон и Дмитрий не послушали его, они знали – представление ещё не окончено. Вильям сделал ещё пару тройку выстрелов и что-то пробормотал, о том, что тетиву нужно попустить. Он подкручивал и осматривал арбалет и с виду, казалось, что он с ним не разлучён уже много лет. Тут Кирилл увидел, что друг больше не стреляет и вновь воскликнул: « Ура! Теперь можно посмотреть на мишень?» не дожидаясь ответа, он махнул ребятам, и они побежали за ним, а стрелок бережно укладывал подарок в ткань.

– Ну что, вынимать или его подождать? – спросил Симон чуть тише, чем обычно. Ему ответил возмущённый Дмитрий: «Нет, конечно, пусть посмотрит».

Вильям подбежал, посмотрел на мишень и улыбнулся, будто услышав их разговор.

– Последний болт хорошо вошёл, хоть и не в яблочко, – заметил Вильям.

– Да ладно тебе! У тебя весь набор от пяти до девяти, ты прям собиратель! – сказал Кирилл, смеясь.

Вильям вполне довольный результатом вынул болты и сказал, что сейчас он немного их поучит, никто из ребят такого не ожидал.

5

– Пять часов и тридцать семь минут, где же они бродят? – мать ходила по пяточку крыльца. Александр успокаивал жену, говорил, что сын не маленький и это он не про возраст, а ум. Он прекрасно знал, что жену трудно успокоить, но возможно отвлечь – разговором, что он сейчас и делал. Звонок в дверь и Лика мгновенно открыла: на пороге стояли четверо мальчишек, они всем скопом завалились в дом и вразнобой поздоровались. Отец отошёл к лестнице на второй этаж и спокойно наблюдал за обстановкой, облокотившись на перила и улыбаясь, он вспоминал себя в этом возрасте – как же дети похожи на отцов. Вильям первым делом похвастался маме, что совершил пристрелку арбалета, и как она трудно далась, и насколько отличный подарок он получил, она улыбнулась, но тут же погрозила ему, что это опасно. Он совсем забыл, что об этом рассказывать нельзя, но отец сегодня раздобрился и ничего на это не сказал, лишь неодобрительно посмотрел на сына.

– Ну что ж, думаю это уважительная причина, что бы опоздать на собственный День Рождение, да Александр!?! –

она повернулась к мужу, стоявшему всё на том же месте, он кивнул ей в ответ. Собственно опоздать на собственный день рождения невозможно, особенно имениннику – он приходит тогда, когда нужно.

Когда чуть погода все утихла после поздравлений за праздничным столом, распаковыванием подарков и их испытанием – за окном всех уже ждал тёмный, напоённый осенней прохладой вечер. Пришло время расходиться по домам, а всем так не хотелось прощаться: ребята тянули время, что бы хоть минуточку лишнюю поговорить, а взрослые не знали, как отправить их домой, потому что другие родители скоро заволнуются и начнут звонить. И вот всё свободное время истекло, как резервные запасы резервных запасов, и на улице стало совсем темно, Александр Николаевич, каким-то волшебным образом подловил тишину и внушительно громко сказал: «Ребятки, надо бы вас проводить по домам. Ну, кого первым?» и вывел всех на улицу. Он, конечно же, помнил и знал, что ближе всех живёт Кирилл, рыжеволосый мальчишка или как он его частенько называл «Рыжик». Он жил в нескольких шагах от дома Вильяма, где заканчивался частный сектор, и начинались высотные дома. Вторыми всегда провожали Симона и Дмитрия, какое совпадение, они жили в одном доме, только в разных подъездах и это было незаметно удобно для обоих.

Глава 2.

1

В городе Заречном в тот самый день погода оставляла желать лучшего: сырость и мелко морозящий дождик, тёмное небо похожее на немытое стекло, куполом обволокло город. Ветер был слабым, но это не меняло картину в лучшую сторону. В этом году конец октября вовсе выдался холодным и мокрым.

Вильям и его друзья окончили школу ещё в июне, некоторые из них уже поступили в институт, а Кирилл и сегодняшний именинник – эту возможность упустили. Симон и Дмитрий до сего дня не верили, что их тихоня Вильям, который хочет стать простым учителем истории согласился на поход в бар, что для него непривычно. Как иногда размышлял Кирилл: «Миллион возможностей, куча выбора, но ничего не хочется! Более того – не цепляет даже за душу этот обеспеченный успех в любой профессии, да, даже её огромные плюсы. И что мне теперь на первый попавшийся факультет поступить, ребята? Э, нет!» И потом это сложилось в общепринятую концепцию: они стали иметь всё и не иметь ничего и потерялись в многообразии выбора.

Кирилл стоял на тротуаре вместе с Симоном и Дмитрием и протяжно говорил им, что уговорил Вильяма пойти в бар, но мельком заметил, что друзья не слишком рады, по-

просту им было всё равно, как если бы их привели на самую скучную лекцию и запретили засыпать. Кирилл попытался их подбодрить: рассказать анекдот или шутку, но позабыл эту идею, посмотрев в эти вялые лица. Наверное, он подумал, что сегодня не хочет быть пессимистом, а его друзья вжились в эту роль уже давно, да и в последнее время, как собираются вместе, ведут себя, будто одолжение делают. На прошлой неделе он пригласил всех погулять – согласились, а когда собрались лица все те же, что и сегодня: недовольные и немного брезгливые. Два месяца назад он гулял с Вильямом, и встретили их, нет бы подойти, поздороваться, а они лыжи наострили в обратном от них направлении.

– Ребят, ребят, что такие грустные сегодня, а? Что-то не припомню, что бы я с утра названивал, будил, надоедал и всё как я люблю. Ну и кто вам настроение испортил? Смотрю на вас и погано становиться, – он отошёл от них с наглым видом недовольства, на всякий случай, чтобы не получить затрещины.

Друзья как раз выражали желание влечь ему по наглой морде, чтобы в конец не раздражал. Симон раздражённо обозвал его клоуном и посоветовал не лезть в их дела и что мог бы и не звать вовсе. Дмитрий бубнил под нос, что Кирилл зря спрашивал их о чём-либо, потому что рядом с порохом с факелом не стоят. И вот тут-то Дмитрий, явно готовился к разговору заранее всё и выдал, в краткой понятной фразе: стало ясно, что они изменились, а Вильям остался таким, ка-

ким был всю его жизнь: правильным, скучным и педантичным, им с ним не по пути. Они стояли почти у дома друга, о котором говорили и Кирилл размахнул руками: «Что ты хочешь этим сказать, что-то случилось и я опять не в курсе?». Ему ответили грубо: «Да ничего конкретного не случилось, просто за последнее время Вильям начал нами командовать, пытается переубедить даже в мелочах, что мы поступает не по чести – воруем, дерёмся, и его не любимое – пьём. Святоша воплоти! Кто вообще с его главенством соглашался, мы говорили ему, что каждый что хочет, то и делает, но он этого не понимает – вбил себе в голову, будто мы единая команда с каким-то глупым кодексом». Дмитрий потупил взгляд и о чём-то задумался, ему явно был неприятен разговор. Кирилл вновь не понял, к чему это клонят друзья, он спросил в том же духе, что же происходит, и получил ещё больше раздражения к своей персоне: «Тебе разжевать и в рот положить? Я-то думал ты не такой глупый». Но Симона вовремя остановил Дмитрий, он отодвинул его от Рыжего и подхватил кирпич разговора. Радостное настроение Кирилла испарилось, как гелий из лёгких. И так получалось, что они с Вильямом хорошие и добрые, помогают всем и каждое действие продумывают, и даже кодекс у них есть какой-то, а раньше были сорвиголова все четверо; но вот такими остались только двое. И это стало причиной, недопонимания и нарастающего конфликта. Кирилл попытался напомнить, что они с пелёнок вместе уживались, а из-за такого пустяка теперь дружба рас-

падётся! А самое неприятное, скреблось в голове Кирилла, то, что Вильям и не подозревает о таком отношении, потому что остался в детстве. Симон и Дмитрий смотрели же с тоской, рано или поздно он всё равно узнает – они намеревались рассказать всё сейчас и как есть, подумали, что такой богатынький ангелочек всё переживёт. Обращаясь к Дмитрию, он почувствовал, что ссора может выйти за рамки слов и превратиться в недовольное разбирательство, и тогда он вскрикнул: «Хоть ты его останови!». Ребята остановились и выслушали его, не без усилий над собой. Всё что он предлагал – это подождать один день, всё равно он уже понял, что разговор планировался давно. Но Симон не внял его просьбе, он сунул руки в карман и с задумчивым видом пошёл к дому Вильяма. И в тот момент Белого начинала грызть совесть, он догнал его у самой ограды, сказал что-то на ухо. Симон остановился, грозно покосился на Кирилла, словно тот уронил кувалду на его новую машину, резко ответил Дмитрию, и они согласно кивнули друг другу.

2

Со знакомым скрипом отварила дверь дома, вышел темноволосый высокий паренёк, осмотрел двор жёлтыми глазами и подошёл к друзьям. Симон и Дмитрий стояли рядом они были недовольны, но старались скрыть это.

– Всем привет!

– Ну, привет Святоша, – с поддельной улыбкой сказал Си-

МОН.

– Шутник, блин, отойди вообще! Привет, Вильям. – Белый ткнул Симона в бок, чтобы тот не наговорил лишнего.

– С Днём Рождения, дружище! – Кирилл обнял его и хлопнул по спине. Этого парня радовал каждый день, будь то праздник или нет – он был рад всегда.

3

Было два часа, мелкий дождь пропал, а небо затянулось пудово синим и ветер по-прежнему обдувал мокрым полотном. На окраине города было сегодня громко, играла непристойная музыка, разливалось спиртное, а из кого-то энное дело уже лезло наружу. Темноволосый парень стоял при входе в бар «Красная карточка» и смотрел кошачьими глазами в сторону леса. Ему хотелось от суда поскорее уйти, убежать. За его спиной висел арбалет и колчан, он ждал, когда с друзьями пойдут в лес, пострелять, как и договаривались. Ненадолго вышел и вырвал из бара клочки резкой безвкусной музыки Кирилл и поинтересовался, почему друг такой невесёлый, а узнав причину, сказал, что сейчас они соберутся и пойдут куда обещали. Вильям ожидал, что сейчас проест мозги Симон и настроение не есть хорошее станет ещё «лучше», потом конечно присоединится Дмитрий и будет как обычно разъяснять сказанное Симоном, что было и так понятно. Получается, что книгу на русском перевели на тот же русский, без каких-либо различий, только воды стало боль-

ше.

И Симон устроил взбучку, но в этот раз сдерживался и выбирал слова. Вильям догадался, что подавляет его Белый, и пользуясь случаем, уговорил их пойти в штаб на часик-два: ещё не стемнело, а точнее не было и пяти. Кирилл и Дмитрий замолчали, вид их был омрачён не очень хорошим предчувствием.

4

Четверо парней подошли к сломанному дубу и сели полукругом под ним. Они немного помолчали, пока Кирилл не спросил, чего же они ждут, тогда Вильям достал арбалет и отбросил чехол. Все помнили, что он учил их стрелять, и им нравилось до поры. Тут же Дмитрий отказался участвовать в игре и отпил глоток из бутылки. Из трезвых, на вскидку именинника оказалось трое: Симон, Кирилл и он сам. Дмитрий не упустил шанса выразиться и посвятил всех, что в его тяжёлом портфеле кое-что припрятано и когда всем надоест – он приглашает составить компанию. На это предложение неоднозначно кивнули, толи неодобрительно, толи сожалеюще.

Стреляли все, и в один момент Симону наскучило стрелять без особого азарта, так сказать риска, он предложил пострелять по живой мишени. А выражаясь яснее: кто-то будет держать в руках предмет, в который один из них станет стрелять. Ему возразили, а он не находя в этом ничего пло-

хого начинал злиться, что все идеи Вильяма поддерживают, а его ни одной не воспринимают. Именинник на все уговоры вроде того, что без риска нет наслаждения, и что он трусит, и что занимается стрельбой уже шестой год, а всё одно и то же – не поддавался и пытался объяснить: такая игра приведёт к травмам в лучшем случае, а в худшем к трагедии. Симон подошёл к Вильяму, он стоял неподалёку от болтов, тут же подошёл Кирилл, он отлучился и подойдя не совсем понял о чём речь, конечно, возмутился что отошёл на минуту, а тут уже ссора, и решил вмешаться: «Это несколько минут, а если бы я задержался подольше – вы бы друг друга перестреляли?».

–Ты прав, до этого чуть-чуть не дошло, – Кирилл отвлёк Вильяма, который подошёл к мишени, чтобы вытащить болты. Симон взвинтился ещё больше и предложил свою идею Кириллу, тот не поверил услышанному и переспросил у Вильяма, а он подошёл к ним и посмотрел тоскливым взглядом. *Неужели тут нужно что-то объяснять: парень двинулся вот и всё*, подумал он. Его взгляд был удивительно понятен. Тут случилось что-то не объяснимое: Кирилл остался в стороне, а Вильям как с цепи сорвался и наскочил на Симона, врезал ему по лицу, будто другого варианта уладить обстановку не видел. Кирилл немного затормозил и позволил развязаться драке. Симон врезал в ответ и посильнее, чем та пощёчина Вильяма, они уже не могли решать спор словами, каждый стоял на своём и хотел вытрясти другого, как пыль-

ный ковёр. Они понимали друг друга без слов, только смотрели бешеными, злыми глазами. Кирилл оттащил Симона от Вильяма, подобрав наиболее удобный момент, всё происходило в тишине, но сил он вложил не мало, чтобы сдержать его. Ребята не хотели успокаиваться и с горячей злобой вырывались, а он крутился, отворачиваясь от Вильяма, пока держал Симона: тот недовольно попытался выскользнуть из захвата, но не смог. Когда Кирилл понял, от кого исходит больше опасности, он придержал Симона покрепче и к тому моменту Вильям уже поуспокоился и не стал больше лезть.

– Я все понятно разжевал?! – Вильям отошёл от них к мишени, что бы продолжить то, от чего его отвлекли. Его раздражала сама мысль стрелять в кого-то, даже, если целью был предмет – промахнуться мог каждый и тут момент назад не вернуть. На какое-то время ситуация стала спокойнее, но Симон не собирался отказываться от идеи, ему хотелось ещё и ещё, а Вильям и Кирилл прекрасно понимали, чем это может закончиться и уже собирались покидать штаб, пока ничего не случилось.

– Кирилл, принеси, пожалуйста, мне чехол, он рядом с Белым, – Вильям наивно полагал, что до друга дошёл запрет вложенный в кулаки и не боялся, что он ослушается.

– Да ладно, уже собираетесь!? Прощёл только час! И всё? Кажется, он надрался. И почему я не заметил раньше? А сейчас поздно. Да, спиртное действует на каждого по-разному. Надо его успокоить или он наворотит дел. Ничего се-

бе мы настреляли – тринадцать болтов, зараза последние четыре никак не вытаскиваются.

Вильям с силой, что только была, вытаскивал болты, но они настолько прочно застряли в древесине, что его хватки не хватало.

– Симон, успокойся, ты пьян. Вили прав – надо идти, – Кирилл не пошёл к Белому, что-то не пускало, будто вокруг стало настолько беспокойно, настолько зыбко, что он начал бояться без причины.

– Вили ... как же! Есть товарищ начальник!

– Смеёшься!?

Вильям опрометчиво стоял к заносчивому другу спиной и выдёргивал злополучные болты, то один, то другой, в надежде, что хоть один из четырёх поддастся его силе.

– Что смеюсь? – он толкнул Кирилла – ДА, СМЕЮСЬ!

– Симон, прекрати этот балаган, мы не будем больше стрелять.

Кирилл так и не принёс чехол и Вильям пошёл за ним сам, он оставил болты в дереве на память, потому что сил их тащить больше не было, а просить помощи у друзей сейчас ему показалось бесполезно. Он взял чехол и уже возвращался, когда за ним поплёлся не совсем трезвый Белый, но он его не заметил – его беспокоило совсем другое. За короткое время Кирилл и Симон не поладили – один пытался переубедить другого, и если один думал, другой хотел зрелища и распоясался в конец. Ему самому стало не понятно, поче-

му он так хочет, ведь и он знал – что идея глупая и опасная. Но непонимание привело его к раздражению: он и смеялся нервно, будто с иронией над всеми, и двигался непривычно – рывками, словно в нём самом шла борьба от неизвестной друзьям обиды. Подбежал именинник и бросил чехол на землю, в один прыжок расцепил двоих и крикнул: «Да сколько можно?». Он стоял посередине и смотрел, то на одного, то на другого и пытался понять, зачем они так поступают. Вильям спокойно попросил их постоять без возни, но сам уже еле сдерживался, чтобы не разместить обоих по жжёной траве. Достаточно шумная картина: он стоял спиной в метре от мишени, справа Кирилл, слева Симон, но никто не видел Дмитрия с арбалетом в руках. Он, словно пантера затаился в тени и занимался своими делами: рассматривал оружие и что-то настойчиво туда пихал и не желал вмешиваться в общую суматоху, держался далеко. И Вильям снова повернулся, снова сказал, чтобы не дрались, а в ответ он услышал, что никому его отчётность не сдалась... тогда, он ещё сдержался и попытался вынуть оставшиеся болты – решил попытаться вновь, их здесь оставлять он никак не хотел.

Всё произошло спонтанно, друзья вновь завелись, он ринулся их приструнить, но бешеная рука Симона оттолкнула его, он отлетел и последнее что почувствовал – скользкий удар в правый висок, а за ним острая пронзившая сердце боль. Крик рыжего вырвал всех из пелены дурачества в реальную жизнь, и они застыли всего на миг. Кирилл подошёл

к нему, застывшему с закрытыми глазами, губы налились кровью, тело таяло, мгновенно ускользая из мира, он уходил, обмякал, как расплавленный воск со свечи. Кирилл прощупал пульс, действовал он по наитию и вскрикнул: « Жив! Он жив! Вызовите скорую!». Дмитрий бросил арбалет, всё это время он держал его в руках и не понял, что тоже виновен. Отрезвлённый, он побежал в сторону, где только недавно оставил свой портфель, пока Кирилл пытался докричаться до Симона, что бы он помог ему оттащить друга от дерева, но тот будто обмер.

Тело растворилось, оно невесомо. Я плаваю, но не чувствую воды, её нет. Боль, куда она подевалась, та боль, которая была? Spина, а мне показалось, её проткнули. Так, где же боль? И что потом? Голова заболела очень резко, в неё просочился резкий гнусный звук, как белый шум. Потом он пропал, и я оказался здесь. Но где? «Его нужно снять с болтов. Симон, помоги мне». Кирилл я тебя слышу. Кирилл, что случилось? Кирилл?! Почему я не могу пошевелиться? Я не вижу его. Нет, только не ... «НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙТЕ, ВЫ МОЖЕТЕ ЕМУ НАВРЕДИТЬ!» Симон, это ты? Правильно, не трогайте меня больше, не хочу, что бы вы меня трогали, уйдите. Уйдите!

Трое парней стояли возле полуживого друга, когда вой сирены взорвал тишину они побежали на её зов. Они нечле-

нораздельно попытались объяснить, что случилось, вместе с ними врачи побежали к месту трагедии. Два врача, мягко говоря, впали в шок, когда ребята показали на дерево с пригвождённым человеком, но тут же поняли – времени мало. Они только проверили реакцию зрачка на свет, пульс, да и вовсе признаки жизни, всё важно кого снимать с дерева – трупа или ещё живого человека. Один из них с надеждой и каким-то неясным удивлением сказал: « Гриша, он ещё жив. Ты посмотри на его колотые раны с левой стороны в области грудного отдела», он показал напарнику спину пострадавшего. Григорий выразил даже не удивление – а испуг: «Четыре колотые раны, сердце возможно задето». Пока они осматривали его, ребята почти перестали дышать, они застыли, словно улетели в вакуумный мир. Водитель пригнал машину близко к месту трагедии. Врачам всё же пришлось отпилить деревянные болты и унести его на носилках.

«-Вильям, тебе сегодня восемнадцать! С Днём Рождения, сынок! – Отец похлопал его по плечу и продолжил, – У меня для тебя есть подарок, он повернулся к гардеробу и с верхней полки достал продолговатый свёрток. Протянул его сыну и улыбнулся, – твои старые болты уже никуда не годятся, и я подумал, что тебе будет приятно пострелять сегодня новыми. Сын аккуратно открыл свёрток: на тёмно-синей ткани лежали деревянные тёмно-коричневые с металлическими наконечниками болты, их было тринадцать...»

Водитель вышел из машины и помог загрузить носилки,

закрыл дверь за врачами и обратился к парням: «Оставайтесь здесь. Полиция уже едет». Они узнали друга семьи Вильяма, вот почему они даже не стали оформлять стандартные документы, они просто его опознали, опознали Вильяма. Машина скрылась из виду, а за ней приехала и полиция.

6

Белые стены, одинаковые коридоры, люди на проходе: кто-то пьян, кто-то трезв и весь в крови. Медсёстры бегают, шныряют, вызывают по очереди, хотя больше пытаются успокоить бедняг, ведь они терпят и ждут, а врач в травматологии один, да и то старый. Мужчина в панике ему только сообщили, что его сына привезли сюда, он успокаивал жену, которая тихо плакала и держала что-то в руке. Он попытался спросить у пробежавшей мимо медсестры о сыне, но ничего не узнал. Тогда они резким шагом направились в вестибюль, от которого на вид осталось лишь слово, и спросили, не поступал ли к ним восемнадцати летний мальчик Вильям Чёрных, которого опознал водитель скорой помощи. А женщина, как ни в чём не бывало, удивилась странному имени и заинтересовалась, не приезжие ли они. Мужчина опешил, он не знал, жив его сын или нет, и уже резче потребовал ответа. Женщина вздрогнула и спешно посмотрела бумаги, заикаясь ответила, что полчаса назад поступил человек с таким именем –сейчас он в операционной и предложила им

подождать в холле. Родители мальчика сели на скамью, отец прижал к себе жену: «Не бойся Лика, всё будет хорошо. Мы ничего пока не знаем. У нас есть надежда...»

7

Парни сидели в тесном кабинете убойного отдела со следователем Кличко Романом Викторовичем. Он не кричал и не угрожал, он просто им объяснял, как поступить лучше и они поддались: рассказали, всё как было до мелких подробностей, они даже плакали. Рассказывал в частности Кирилл, он видел всё напрямую, и не был, по мнению следователя подозреваемым, а свидетелем.

– У нашего друга день рождение. Часа в четыре мы пошли в лес, – начал он.

– В лес!?! – Роман Викторович усмехнулся.

– Там наш штаб, что-то типа особого места. Друг занимается стрельбой больше пяти лет и нас немного научил.

8

...Я твой должник Вильям. Ты спас мне жизнь, подумал Александр. – Вильям, зачем ты полез? – Саша, у тебя скоро сын родится. – Ты выкарабкаешься. Ты будешь жить. Нет, не закрывай глаза. Не уходи, дурак.

Александр держал друга на коленях, он истекал кровью и ещё дышал, рука его потянулась к голове и из последних сил притянула её к себе. – Саша, назови сына, как меня,–

окровавленная рука плетью бросилась в низ, глаза застыли мертвенным стеклом, но лицо улыбалось, отпустив этот мир, какой-то довольной ухмылкой. – Вили! Нет, нет друг, – Александр тормозил мёртвое тело, он заплакал и обнял друга в последний раз. – Я назову, обязательно назову. Обещаю, – он бережно закрыл глаза и встал.

Родители Вильяма подловили врача, он вышел из операционной с потупленным взглядом, он не готов был, встретится с родителями бедняги сейчас. Для начала уточнил их ли это сын и тихо сказал: «Не хочу вас пугать, но и обнадеживать не стану: ваш сын в критическом состоянии, он без сознания. У него четыре колотые раны в области сердца со стороны спины. Ему повезло, как показал осмотр сердце почти не задето, но состояние близко к коме и возможен риск потери памяти». Ему не нужно было что-то добавлять, отец мальчика опешил и открыл рот, мать, стояла рядом, она завалилась на стул и уставилась в фотографию сына, которую всё время держала в руках – это фото она сделала сегодня, когда поздравляла его с днём рождения на фото он ещё живой, не покалеченный.

После того, как Кирилл вышел из участка он позвонил родителям Вильяма и направился в больницу. Он поздоровался с ними, и зная, что от него потребуют объяснений – сам рассказал и не забыл поинтересоваться, жив ли его друг. Прекрасно зная, что находиться ему здесь будет неприятно: он был виноват в случившемся и родители друга так и счи-

тали. Александр Николаевич промолчал и никак не среагировал на сказанное, он был опустошён, как опустошены люди, которые в последние время получали только плохие новости. Его сына чуть не убили: и кто? Его собственные друзья! Что может быть хуже? Только неизвестность. Все за и против говорили о нескором выздоровлении сына. Раньше они были испуганными и потерянными – они говорили, *мы не можем больше не знать*, а узнав не поверили. И сейчас они притихли как в море, таком же солёном, как слёзы, откатила волна, и наступило затишье, но только затишье, ведь волна вернётся и принесёт всё те же солёные слёзы.

9

После того случая прошла неделя и состояние Вильяма ухудшилось, он так и не очнулся. Лика позвонила Кириллу сразу же, она знала, что он винит себя – Александр злился особенно на то, что всё списали на несчастный случай, а Симон и Дмитрий уехали из города. Он пытался подать в суд и возобновить дело, но Лика отговорила его, еле успокоила и потребовала обещание, что он не покалечит жизнь хотя бы Кириллу.

Все трое встретившись в больнице в ожидание куда более плохих вестей, чем прежде, они сухо поздоровались между собой. Время бежало и скакало, они стояли в белой палате с множеством маленьких проводков, от которых зависела жизнь Вильяма. На кровати с сыном сидели его родите-

ли. Рыжеволосый парень стоял у двери, не двигаясь с места, словно между ним и его другом находился невидимый барьер. Ли́ка и Александр вышли, только тогда Кирилл подошёл к другу, поздоровался и попросил прощения. Он уже выходил из палаты, когда услышал голос не в самой комнате, а как будто у себя в голове: «Дружище, не вини себя». Дверь захлопнулась и побелевший парень, засеменя, испарился из здания. Он отошёл уже далеко, когда понял что узнал голос – это был Вильям, ему стало жутко.

Как же ужасно и холодно здесь. Не могу смотреть, как они приходят сюда поговорить со мной как обычно, но я то не могу ответить! Я не хочу оставаться здесь. Здесь слишком одиноко, слишком. Здесь всё остановилось. Перед глазами только тот день. Как же забыть, забыть его. Не могу видеть себя, лежащего, как бревно, а жалость людей – мерзкое чувство. Забыть, всё забыть... Не вспоминать ни за что, никогда.

10

Большой дом с разноцветными стёклами сегодня красовался: вокруг пусто, как после апокалипсиса, деревья стали белыми шапочками на тонкой тёмной ножке, всё утопло в снегу. В полдень раздался звонок в ещё спящем доме по улице Заречной восемнадцать. Ярко-белое полотно переливалось и светилось под солнцем – день обещал быть тёплым.

–Ли́ка Чёрных слушает, – женщина лежала в кровати, но

спустя несколько секунд, она с визгом вскочила, разбудила мужа и помчалась в ванную. Александр поспешил за женой. – Вили очнулся! Мы срочно едем в больницу, и позвони Кириллу, – она обняла мужа и впервые за долгое время они рассмеялись, а он, не веря ушам, остался стоять на пороге ванной и трусах и халате.

Кошачьи глаза смотрели на врача с изумлённым лицом. *Я вернулся*, подумал он.

– Поздравляю вас, не многим удавалось выйти из комы спустя такое долгое время.

Молодой парень услышал голос и спросил: «Где я, со мной что-то случилось?». Врач покачал головой и огорчённо ответил:

– С вами произошёл несчастный случай. Вы помните, как вас зовут?

Парень задумался, как будто пытался найти ответ у себя в голове, но не нашёл.

– Я не знаю ...

Для Лики и Александра беседа с сыном была незабываема, они единственные кого он помнил, потому что, когда зашёл Кирилл и поздоровался, Вильям опешил и посмотрел на него возмущёнными глазами: «А вы кто?». В тот день Кириллу пришлось оставить друга по просьбе родителей: их сын раздражался, когда они говорили о друзьях и спрашивали, что он вообще помнит, а при виде Кирилла – он раз-

ражался ещё больше, его трясло, и глаза становились ненормально злыми. А ведь, они ещё не успели ему рассказать всё про его чудесное исцеление.

Часть II

. Без памяти.

Глава 1.

Воображение важнее знаний.

Альберт Эйнштейн.

1

Я как обычно шёл пешком до дома и думал о музыке. Я считал музыку прекрасным изобретением человечества, она могла быть ужасной и так же прелестной, как люди. А может иметь непонятные определения, как я. Большинство смотрят поверхностно, скользя по грани, питаюсь только внешними чертами, а ведь они обманывают самих себя. Попробуйте смотреть внутрь, втирайтесь в суть, разрежьте пустоту внутри друг друга. Вы не поймёте – кто с вами, не побывав в его шкурке, не пытаясь узнать о нём больше, чем он даст вам. Смотрите внутрь если надо, если надо, хотя как знать. ... Иногда лучше не лезть, но это вам решать: жить в неведении или же знать, но ужасную правду. Живите в неведение, вам мой совет – если вы трус, а если нет – рискните. Такие вот мысли посещали меня давно, точнее уже полгода, как я восстановился после комы и операции на сердце. С последним смириться до сих пор не могу. Я вновь терял надежду вспомнить себя прошлого и оставил попытки покопаться в голове и сегодня, просто засунул руки в карманы и поплёлся к дому, стараясь не думать – это выматывало.

Фонари мигали сегодня, будто в воздухе витала нечистая

сила. Где-то в районе Стараникитской улицы я услышал девичий вопль и поспешил к источнику. Я успел добежать и первое что увидел – это как какой-то моральный урод, надел на чьё-то тело и знать не знаю, что собирался делать, но верно что-то мерзкое. В переулке стояла возня, и мне стало противно, что такие люди вообще существуют, я накинулся на него, оттащил и бил пока он не перестал сопротивляться. Отвращение и ненависть вылезли из меня и красили его в алый цвет, а потом он валялся около каменной стены старого дома и нетрезво пытался подняться, но за такое получил ключевой удар по сопатке. Я помог девушке подняться, она не совсем поняла, что произошло, скорее всего – отключалась, потому что испуганно спросила: «Что случилось?». Она немного хромая, – тот урод её всё-таки зашиб, – дошла до стены, где он валялся не в самом лицеприятном виде, и, конечно же, взвизгнула, ужаснулась. А потом попыталась нащупать его пульс, на что я сказал: « Не трогай его – он жив». *Нечего трогать всяких гадов, лучше вообще никого не трогать*, промелькнула мысль в голове.

– У тебя сердца нет, посмотри на него, – сказала она с опаской, и мне даже захотелось смеяться, и в тему для шутки я схватил её руку и прислонил к месту, где и было *сердце*. Оно конечно билось, но чтобы это услышать требовался супер слух и супер чувствительные руки. Как я и догадывался ни того ни другого она не имела и глаза её начали бешено бегать, уверен её сердце в тот момент забилося очень сильно.

– Как так, это невозможно! Вы бессердечный, – оторопев, она отдернула руку и отступила. Лицо её выражало если не ужас, то поистине сильный испуг. Позабыв про все вещи, она бросилась бежать подальше от этого тёмного и мутного места. Мне стало обидно, что виноватым оказался я, но осмотревшись, я заметил её сумку на земле в листьях и грязи. Я забрал её и ещё раз посмотрел на *мужчину* возле стены, он шевелился и возмутительно бормотал – уверен минут через пять он встанет и побредёт, куда и собрался.

2

Свет пробивался сквозь небрежно зашторенные шторы, он силился пробиться из каждой дырочки и осветить тёмную комнату. Звук будильника прорезал слух, когда я уже открывал глаза, но ещё лежал в сонном оцепенении. Будильник заставил меня тут же вскочить и сесть на кровати. Я потёр руками лицо, снимая сон, и спустя время полностью открыл сонные глаза: было светло, время перевалило за обед; я посмотрел на шторку – тёмная, грязная и дырявая, она сияла, когда через неё пробивался свет – картина наипрекраснейшая. В первые минуты после сна внимание привлекла сумка возле изрешечённой шторки, она лежала на полу уже как два дня. Появилась она тем вечером, когда раздумья о своём прошлом завели в тёмный переулок, не просто так, а чтобы спасти незнакомую девушку. Тогда она убежала, а сумка осталась брошенной на грязном асфальте. Теперь она лежала

здесь, в пустой, холодной комнате, и не то чтобы я не пытался вернуть её хозяйке, наверное, просто забыл. Я обмотался простыней и подошёл к окну, сел на голый пол и с неподдельным интересом вытряс содержимое женского *чемодана* для раскрытия самой интересной тайны – личности хозяйки.

– Ай! Что это за бандура? – подняв ударивший меня предмет, гневная гримаса сменилась на улыбку, – Фотоаппарат! Да ещё и профессиональный. Таким убить можно. «Canon» довольно известная фирма. Стоит... ну и напугалась бедняга, раз такую вещь оставила, – нараспев проговорил я.

– Визитки, помада, наверное, это косметичка, – ничего, что дало бы понять, кто хозяйка сумки не нашлось, я начал разочаровываться и решил проверить сумку ещё раз, и правда, на дне лежала книжка, не выпала она с остальными предметами потому, что еле вмещалась в сумку.

Я побросал всё и оставил книгу в руках, сумка теперь лежала на прежнем месте и всё что в ней было тоже; книжка оказалась ежедневником, и я счёл его довольно интересным. Вскочив с насиженного места, начал ходить по квартире, дошёл до телефона старого, но вполне рабочего и положил ежедневник на тумбу.

– Попробуем набрать: 8-915-424-33-67, – я положил телефонную трубку возле руки и стал ждать, опираясь на стенку и нервно постукивая рукой по тумбе в такт гудкам, но она пока что молчала, – Ответит? – мельком посмотрев в книжку, я прочёл, – Смири, Смиридова Кира.

Короткие гудки: один, два, три...

– Не ответит.

– Ало! Ало!

– Здравствуйте, вы Кира?

– Да. А кто вы?

– Меня зовут Вильям. Дня два назад мы встретились в переулке, вы убежали.

Молчание.

– Помню. Что вам нужно?

– Я просто хочу вернуть вашу вещь, которую вы оставили.

Где мы можем встретиться? У меня в запасе есть часа два.

3

Час назначенного свидания подошёл к концу. Я нелепо смотрелся с женской сумкой и продолжал ждать на остановке неподалёку от места своей работы. Сегодня выходной, а работу нельзя назвать той, на которую в будни идти захочешь, скучная и нужная: поговорить не с кем, покупатели качают права и вечно спорят. Что делать на другую пока не взяли – жить, есть нужно; два месяца в этом городе дали понять, что жить самому – это карабкаться на вершину горы без снаряжения, вершина которой совсем не конец жизни, а цель, что ты хочешь добиться; новая цель – новая гора и вершина.

Вереницы машин проезжали мимо, нагнетали, ухудшали внутреннее состояние, раздражали звуками. Неприят-

ное предчувствие томилось внутри, отчего чудилось, что беда подкрадывается медленными шагами, громко крича? Со скудными знаниям о себе я не предал этому значения. Может оно и к лучшему? Мелькавшие машины отвлекли внимание, когда в очередной раз я пытался вспомнить, толи представить ту девушку. Кое-что припомнил: пухлое лицо, показавшиеся в ночном сумраке белёсым и пушистые длинные локоны, она доставала мне до груди – маленькая девочка. Я искал её в толпе достаточно долго и, наконец, меня окликнули:

– У вас моя сумка! – кто-то громко возмутился.

Я повернулся, и образ в голове приобрёл реальную оболочку. Девушка стояла робко, и в её карих глазах отражался маленький огонёк страха. Пухлое лицо, усыпанное веснушками, то улыбалось, то настораживалось. Видно было – она не знала, как себя вести.

– Вы Кира? – спросил я с улыбкой.

– Да, – она шагнула вперёд, потянула руку к *своему*, но я не отдал сумку, а лишь пожал вытянутую навстречу руку. Кира отдёрнула руку и стала ожидать, когда я отдам ей сумку.

– Давайте пройдем в спокойное место, здесь слишком шумно, – предложила она, – Вильям, так?

– Да.

– Можем перейти дорогу, там сквер, вон там, – она показала рукой в то место, на которое недавно я смотрел. Там

был магазин антикварных товаров, в котором я работал.

В сквере и правда, было тихо, даже уютно, к сожалению, я не замечал этого места раньше и даже не знал о сквере.

– Вы не здешний, – это всё на что она решилась: на глупый вопрос вместо того чтобы расспросить о тот дне.

– Почему вы так решили? – я усмехнулся.

Что могло меня выдать? Оделся, как и тогда: тёмно – кожаная куртка, майка, джинсы выцветшего чёрного цвета, даже волосы – почти чёрные. Единственное что выделилось – глаза, кошачьи, жёлтые.

– Ваше имя, *Вильям*.

– Тут всё проще, чем, кажется, – сказал без особого энтузиазма, – мой отец назвал меня так в честь погибшего друга. Друг родом из Англии и переехал в Россию очень давно. Не знаю подробностей – отец говорил, что они были лучшими друзьями, Вильям спас ему жизнь... – я закрыл на секунду глаза, вздохнул и продолжил, только уже не с такой меланхоличной ноткой, – вот и вся история, а так я местный, ну почти.

– Простите. И спасибо, тогда вы спасли меня, я ... – она держалась на расстоянии и как-то настороженно.

– Неужели людям без сердца тоже говорят спасибо?!

Она покраснела, а потом и вовсе побледнев, ответила:

– Наверное, я ошиблась, вы бы не стояли здесь, без сердца.

– Возможно. Проверить не хотите?

– Нет, спасибо, – она отступила и покачала головой так

энергично, что будь она болванчиком, та отвалилась бы.

– Оно есть, просто очень тихо бьётся, – на последних словах я, как будто задумался и поник.

Просто тихое? Нет! Кого я обманываю? Ах да – себя. Оно мертво. А что взамен ему? Имплантат. Вспомнил, как мне сказали, что я прожил последние полтора года в коме, а когда подал признаки жизни – забарахлило сердце, оказалось задето и в общем, чтобы не пугать врач мягко намекнул на имплантат, сказал что я такой не один и что люди выживают... Прожевать эту информацию так и не смог, даже сейчас, мирился с ней каждый день, но пока безуспешно. Почему-то это не давало спокойно спать, есть и жить.

– Ладно, вижу вы спешите. Думаю, я должен отдать вам сумку, – я протянул её Кире.

– Спасибо. Там студенческий, не хотелось бы его восстанавливать, – она улыбнулась, надела сумку на плечо и ушла, сначала медленно, потом ускорила до бега. И фотоаппарат я положил в сумку, но почему-то про него она не вспомнила – сильно-сильно напугалась.

Тут мне вспомнилось, что забыл обсудить кое-что важное: её бы срочно догнать.

4

Немного пропетляв вокруг её дома: старого пятиэтажного строения, которому однозначно требовался ремонт – решил проникнуть внутрь. Свет в окне третьего этажа зажегся

не сразу, после того как девушка скрылась за дверь. Дверь запиликала вновь, мне удалось прошмыгнуть в неё, чуть не сбив с ног выходящего мужчину. *Так, третий этаж, если я не ошибаюсь, кажется, с левой стороны. Вот, 11 квартира.* Звонок, ещё звонок.

– Кто там? – девушка уже открывала дверь, судя по звукам.

– Вильям, мы сегодня виделись.

Дверь приоткрылась, из неё вышла девушка в голубом халате, она захлопнула дверь и отошла от неё, держа ключи в руках.

– Вы что-то забыли положить мне в сумку? – она всмотрелась в меня. – Вы что за мной следили?

– Нет, то есть да. Вы так быстро ушли, я не договорил.

– О чём же вы хотели со мной поговорить, – в голосе проскользнула опаска.

– Можно на «ты»? Мне не по себе. Я вроде бы не намного старше.

– О чём же? Мне стоит бояться?

Девушка смутилась. Во всей ситуации казалось, что тут страшного, да ничего просто события недавних дней решили добить её, когда она только-только позабыла обо всём.

– Не могу сказать, – я подошёл ближе и наклонился, пытаюсь поймать её взгляд, – послушай, то, что произошло недавно, поверь такие, как он этого заслуживают. Я не думаю, – я сделал паузу, как будто обдумывал следующие слова, – уве-

рен, он жив.

– Ты считаешь, он выжил? На нём живого места не было, – голос её повысился.

И так с омрачённым видом я застыл и задумался, но был твёрдо уверен в себе. Жив! А то, как же! Почему такая уверенность? Такое ощущение, что я почувствовал. Такое было уже со мной, мне приходилось уже поучать таких людей! Наверное, моё лицо преисполнилось непонятной для Киры радости: почему он улыбался, зачем, почему? – спрашивали её глаза. Зачем спрашивать, о том, о чём я сам себя не спрошу и не отвечу. Просто когда в памяти всплывает что-то: картинки, слова, чувства – как сейчас, хоть какое-нибудь напоминание о себе и приоткрывает тяжёлую дверь разума, мне радостно. Вот ещё одна часть меня приоткрылась, я вспомнил ещё немного. И каждый раз воспоминания: хорошие или плохие, вызывают спонтанную улыбку. Потеряв себя, радуешься даже старым следам: может, приведут домой, где ждёт тот, кого ты позабыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.